
ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
HUMANITARIAN DIMENSION

DOI: 10.18254/S271332140014427-6

Оригинальная статья / Original Article

**СТРАТЕГИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
ДО 2025 ГОДА: ГУМАНИТАРНЫЙ ПОВОРОТ****В. Сутырин**

СУТЫРИН Вячеслав Валерьевич (vsutyurin@gaugn.ru)

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва,
Российская Федерация

14 января 2021 года были опубликованы Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденные главами государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в декабре 2020 г. Документ носит концептуальный характер и не содержит дорожной карты с показателями оценки эффективности. Вместе с тем ряд пунктов содержит революционный потенциал: если стратегия будет последовательно реализовываться, то через 5 лет ЕАЭС может выйти за рамки экономического союза за счет развития гуманитарной компоненты. В настоящей статье рассматриваются основные нововведения, содержащиеся в Стратегии. Приоритеты стратегии помещаются в более широкий контекст международного опыта интеграции и ее теоретического обобщения. Обосновывается вывод о том, что причиной создания и развития интеграционных институтов является не только экономическая взаимозависимость. Значительную, а в некоторых случаях определяющую роль играет “человеческое”, гуманитарное измерение интеграции — региональная идентичность, укрепляющая доверие и общность взглядов на цели интеграции. В отношении Евразийского экономического союза сформулированы рекомендации о важности параллельного продвижения по экономическому и гуманитарному трекам интеграции одновременно, не допуская крена в одно из направлений.

Ключевые слова: интеграция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, стратегия, гуманитарные связи, идентичность, ценности, регион, регионализм, Европейский союз.

Для цитирования: Сутырин В. Стратегия Евразийского экономического союза до 2025 года: гуманитарный поворот // Евразия.Эксперт. 2021. № 1. С. 62–69. DOI: 10.18254/S271332140014427-6.

Источник финансирования: Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме “Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты” (FZNF-2020-0014)

**THE STRATEGY OF EURASIAN ECONOMIC UNION UNTIL 2025:
HUMANITARIAN TURN****V. Sutyurin**

Vyacheslav V. SUTYRIN (vsutyurin@gaugn.ru)

State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russian Federation

The Strategic directions of Eurasian economic integration development until 2025 was approved by the heads of states within Supreme Eurasian Economic Council and published on January 14th, 2021. The document is of conceptual nature, and does not contain a roadmap and key performance indicators. However, several

articles contain revolutionary potential: provided that the Strategy is implemented the Eurasian Economic Union will by far exceed the scope of an economic union through the development of humanitarian dimension. The paper deals with core innovations introduced by the Strategy. The priorities outlined in the Strategy are viewed in a wider context of international experience of integration and its theoretical synthesis. The conclusion is drawn that creation and development of integration institutions results not merely from economic interdependence. A significant role, and in many cases a defining role is played by humanitarian dimension of integration, i.e. regional identity, which reinforces mutual trust and shared outlook upon the aims of integration. The recommendations are introduced in regard to Eurasian Economic Union about the importance of parallel and simultaneous integration advancement through the economic and humanitarian tracks, without tilting in one exclusive direction.

Keywords: integration, Eurasian Economic Union, EAEU, strategy, humanitarian ties, identity, values, region, regionalism, European Union.

For citation: Sutyryn V. The Strategy of Eurasian Economic Union until 2025: humanitarian turn // Eurasia. Expert. 2021. Is. 1. P. 62–69. DOI: 10.18254/S271332140014427-6

НОВИЗНА СТРАТЕГИИ

Принятая Высшим евразийским экономическим советом на уровне глав государств-участников ЕАЭС Стратегия рассчитана на пять лет¹. В этой связи понятие “стратегия” призвано скорее придать весомость принятым решениям. На практике речь идет о своеобразной “пятилетке”, среднесрочном плане развития Союза, который пока прочерчен лишь концептуально. Конкретный перечень мероприятий в рамках стратегии планируется принять в 2021 г. Стратегия представляет собой 60-страничный документ, в котором обозначаются перспективные задачи по всем “традиционным” интеграционным трекам. Вместе с тем сформулирован и ряд нововведений:

1. “Человеческий фактор”. В Стратегии впервые четко фиксируется трек евразийской гуманитарной интеграции. Запланированы создание единой информационной системы и портала в сфере образования, совместные научные исследования, программы повышения квалификации и взаимных стажировок (п. 8.2)². Предусматриваются разработка программы мероприятий и создание “механизмов поддержки кооперационных проектов в сфере здравоохранения” (п. 10.3.7). Планируется привлечь финансирование по линии Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР). Также ЕАЭС намерен разработать концепцию развития туризма в Союзе и “евразийские туристские маршруты” (п. 10.6).

¹ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx> (дата обращения: 07.01.2021).

² Здесь и далее указываются пункты Стратегии ЕАЭС до 2025 г.

Стратегия заявляет “широкое вовлечение граждан, общественных объединений и бизнес-сообществ государств-членов в процессы функционирования Союза и их участие в определении дальнейших направлений развития евразийской интеграции” (п. 9.5). Это де-факто предполагает выдачу ранее отсутствовавшего у ЕЭК мандата на работу в общественной сфере.

2. Расширение взаимодействия с Китаем. ЕАЭС призван стать “одним из центров Большого евразийского партнерства” путем сопряжения с инициативой “Один пояс — один путь” (ОПОП), ШОС, АСЕАН (п. 11.8.1). Далее в данном контексте упоминается Евросоюз, цель-максимум на 5 лет — “установление диалога”. В этом смысле ситуация не изменилась принципиально с момента создания ЕАЭС, когда также декларировалась цель установления диалога с Брюсселем. При этом на китайском направлении планируется разработать дорожную карту взаимодействия и создать “постоянный механизм координации” государств ЕАЭС в отношениях с ОПОП.

3. Вовлечение СНГ и южный коридор. В Стратегии заявлено участие представителей исполнительных органов СНГ в работе ЕАЭС (п. 11.5.1) — по сути, это шаг к слиянию двух структур. По всей видимости, в среднесрочной перспективе динамика контактов в рамках СНГ продолжит снижаться, учитывая многочисленные противоречия между рядом государств. При этом настроенные на активное взаимодействие с Россией и странами ЕАЭС государства-участники СНГ будут все больше тяготеть к установлению отношений с ЕАЭС. В данном случае следует отметить получение в 2020 г. статуса наблюдателя в ЕАЭС Молдавией и Узбекистаном. В рамках стратегии также планируется работать с дальним зарубежьем, в частности

создать зону свободной торговли с Египтом и Израилем, завершить переговоры с Индией.

4. Судебная власть. Стратегия предусматривает создание “механизма обеспечения обязательного исполнения решений Суда Союза” (п. 9.2.2). Речь идет о создании первого и пока единственного механизма “принуждения к исполнению” решений, по которым нет консенсуса стран-участниц Союза.

Вопрос сложный, учитывая историю Суда ЕврАзЭС. Осторожным будет отношение Казахстана, многое будет зависеть от позиции России. Расширение полномочий Суда публично продвигается белорусскими властями в расчете получить рычаг для продвижения своих интересов в нефтегазе и торговле. Вместе с тем точно сказать о серьезности этих намерений сложно, учитывая, что в Суд ЕАЭС Минск ранее не обращался, несмотря на многочисленные претензии к соблюдению права ЕАЭС другими странами.

5. Экономические акценты. В Стратегии значительное внимание уделяется “обеспечению прослеживаемости товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза и перемещаемых между государствами-членами” (п. 5.1.1). Речь идет о проблемах с реэкспортом и контрабандой на западных и южных границах ЕАЭС. Также запланирована реализация “совместных программ и высокотехнологичных проектов” с привлечением ЕАБР и ЕФСР (п. 8.1.2), стимулирование производств, создающих региональные цепочки добавленной стоимости (п. 7.7). Проектов с реальным “интеграционным эффектом” в ЕАЭС пока мало. Драйвером интеграции в ближайшие несколько лет они не станут, так как их масштабы остаются скромными. Реалистичным представляется движение вперед по обозначенному в Стратегии “совместному развитию и использованию зарубежной экспортной инфраструктуры”, совместному продвижению компаний государств-членов на зарубежные рынки.

ТЕОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Среди отмеченных новшеств в Стратегии значительный интерес представляет акцент на гуманитарной составляющей. Многие из вошедших в Стратегию позиций были ранее сформулированы в приоритетах председательства России в ЕАЭС в 2018 г.³ Вместе с тем изменения в последние годы

происходили, как правило, в направлении дистанцирования стран в символической политике, так как сфера идентичности после распада СССР очень чувствительно оберегается многими элитными группами бывших советских республик и нередко политизируется. Насколько обозначенные в Стратегии приоритеты развития обоснованы? Для ответа на этот вопрос рассмотрим основные теоретические подходы к интеграционному строительству, обобщающие опыт иных интеграционных объединений.

Современные теории интеграции оформились во второй половине XX века в основном на материале европейской послевоенной интеграции. Их концептуальные корни восходят к теории федерализма [22], на которую опирается идея “Соединенных штатов Европы”, возникшая еще в XIX веке как предтеча современной практической европейской интеграции. На этой идейной почве оформились четыре основных теоретических течения — функционализм, неофункционализм, межгосударственный подход и постфункционализм.

Концепция функционализма исходит из того, что развитию интеграции способствуют политические и технологические факторы, угрозы войны, которыми продиктована необходимость перехода от политики, основанной на конфликте, к решению технических задач политического экономического, технологического характера. Благодаря доминированию технократической повестки в отношениях государств можно прийти к установлению прочного мира [18]. Данный подход носил не столько теоретический, сколько программно-политический характер, будучи нацелен на недопущение новых войн.

В рамках неофункционализма картина изучаемого объекта — интеграционных процессов — значительно усложнилась. Государство стало рассматриваться не как единый актер, а как площадка для взаимодействия различных субъектов с разными интересами. В интересах властных групп (например, бюрократий или крупного бизнеса) может быть создание наднациональных институтов, что приведет к развитию интеграции [12]. Интеграция в отдельных сферах может привести к “эффекту переливания” (spillover effect), способствующему вовлечению в интеграцию изначально не затронутых ею сфер. К такого рода эффектам могут быть отнесены возникновение транснациональных негосударственных акторов, выступающих за расширение интеграции (например, деловое или академическое

³ Обращение Президента России к главам государств — членов Евразийского экономического союза. 18 января 2018 г.

URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 7.01.2021).

сообщество), вовлечение различных социальных групп в наднациональные институты и процессы, что ведет к росту поддержки интеграции со стороны общественного мнения, развитие торговых отношений с возникновением мощных интересантов в вопросах углубления экономической и правовой интеграции для регулирования общих рынков и т.д.

Альтернативная теория — межгосударственный подход (интерговернментализм) — исходит из совпадения в первую очередь экономических интересов государств, что вынуждает их к созданию общих рынков и институтов, не в последнюю очередь с тем, чтобы не проиграть в международной конкуренции с более крупными игроками. Однако экономика не может быть сильнее политики, и наступает торможение интеграции, когда она достигает стадии “большой политики”, в которую вовлекаются политические партии и массовые группы [13].

С точки зрения либерального межгосударственного подхода национальные правительства могут идти по пути интеграции и делегировать часть суверенных полномочий на наднациональный уровень, имея в виду тактические выигрыши в плане удовлетворения потребностей или интересов отдельных групп общества, выигрывающих от интеграции, или ослабления влияния своих оппонентов внутри страны [19]. Это становится возможным благодаря новым условиям, которые создает экономическая взаимозависимость между несколькими государствами. Таким образом, интеграция становится инструментом, которым пользуются правительства для решения тактических задач укрепления своего положения, победы на выборах и т.д. Для гарантий соблюдения договоренностей, возникающих в результате торга государств, могут создаваться интеграционные (наднациональные) институты.

Теория **региональной интеграции** (теория коммуникации), предложенная К. Дойчем, рассматривает интеграционные процессы в схожей парадигме — как ответ на некие потребности, обусловленные внешней и внутренней средой развития государств. Интеграция рассматривается как создание “общества безопасности” за счет укрепления взаимного доверия, согласование и закрепление взаимных ожиданий государств, результатом которой становятся доверие, чувство общности, принадлежности к единой “семье” [9, 10].

Как справедливо отмечает, Бусыгина, общее среди этих теорий в том, что сближение на уровне политических и экономических элит опережает сближение широких социальных групп. В этом смысле ЕС — это “проект элит”, как и любая интеграция с точки зрения западного опыта [1]. В данной

связи важно отметить, что общность рассмотренных подходов проявляется и в том, что все они складывались на основе опыта и эмпирического материала европейской (ЕС) и отчасти евроатлантической (НАТО) интеграции, происходившей в условиях мощного послевоенного влияния США в Европе и холодной войны. В этой связи данным объединениям “генетически” от их “рождения” свойственна высокая степень формализованности структур и норм, а также унификация идеологической компоненты интеграции. Анализируя теории интеграции, М.В. Стрежнева приходит к выводу, что общей теории интеграции на основании западного общества сформулировать не удалось [6]. С учетом вышесказанного данный тезис сложно оспаривать.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА

Проблема европоцентризма интеграционных теорий и пути ее преодоления активно обсуждаются в последние годы и западными исследователями. В частности, предлагается рассматривать интеграцию не с точки зрения соответствия некой нормативной модели, а с точки зрения реализации потребностей и интересов государств-участников [8]. Включив в поле зрения южные и восточные образования, исследователи приходят к выводу, что ведущую роль в интеграции может играть отличная от европейской форма мотивации и функциональных потребностей.

Например, азиатские интеграционные проекты, например АСЕАН, не стремятся к высокой идеологической унификации на основе единых ценностей или к делегированию суверенитета на наднациональный уровень. Напротив, они используют интеграционные проекты как средства укрепления суверенитета. Так, интеграционный проект может усиливать легитимность политических режимов стран-участниц, демонстрируя их растущий международный статус. Сближение государств может происходить на почве предотвращения вмешательства во внутренние дела извне, стабилизации политических режимов.

Такое противопоставление западной и незападной модели интеграции несет в себе определенный эвристический потенциал. Однако полностью принять такую постановку вопроса означает поддаться соблазну упрощения сложной проблемы. В основе европейского проекта также лежит стремление к обеспечению стабильности — как политической (заклучить Францию и Германию в “крепкие объятия”, чтобы не допустить войны между ними), так и экономической (общий рынок). Объединение

европейских государств также мотивировалось стремлением не проиграть в глобальной конкуренции двум сверхдержавам — СССР и США. Наконец, трудно спорить, что для “новой Европы” — государств бывшего социалистического содружества, вступивших в ЕС после распада Организации Варшавского договора, членство в ЕС являлось мощнейшим, если не главным инструментом легитимации новых политических режимов и элит.

Данную проблему более точно формулирует Ю.А. Никитина, критически оценивая преобладание ценностно нагруженных подходов к изучению интеграции, которые сводят все к заранее известному результату, соответствующему западным образцам ЕС/НАТО [5]. Проблема заключается не столько в неповторимости самой мотивировки или опыта ЕС, механизмов интеграции — многие из них вполне могут быть и широко применимы, — сколько в абсолютизации итогового результата европейской интеграции, сложившегося в конкретных исторических и геополитических условиях. Именно некритическая экстраполяция данных условий и финальных форм интеграции представляет проблему, отвлекая внимание от изучения реальных механизмов и этапов интеграции и направляя его в русло идеологизации.

Результативной попыткой выйти за европоцентристские рамки изучения интеграции следует признать теорию кооперативной гегемонии [20], согласно которой в интересах крупной державы может быть формирование объединения со средними или малыми странами, основанного на принципах “мягкого” (недерективного) управления. Мотивация ведущей державы может заключаться в достижении долгосрочных результатов — повышении собственной безопасности, развитии торговли, повышении стабильности региона за счет большого числа связей, распространении своих ценностей и норм. Руководящий принцип данной формулы интеграции: самоограничение “центра” в обмен на лояльность “периферии”.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ИНТЕГРАЦИИ

Своеобразный парадокс заключается в том, что в последнее десятилетие все больше европейских исследователей приходят к выводу, что теории интеграции европейского происхождения не вполне состоятельны даже в объяснении логики формирования Евросоюза. Так, Т. Берзель и Т. Риссе указывают, что неофункционализм и межгосударственный подход не в состоянии полноценно объяснить переход в Европе от Общества угля и стали,

созданного в 1951 г., к Европейскому экономическому сообществу в 1957 г. [7].

Неофункционализм и межгосударственный подход исходят из того, что экономическая взаимозависимость служит основным драйвером интеграции, но в случае Европы, как подчеркивают исследователи, экономическая взаимозависимость стала не предпосылкой, а результатом интеграции, возникнув лишь после принятия политических решений и создания интеграционных институтов. Уровень взаимозависимости экономик в Европе, существовавший до начала Первой мировой войны, был вновь достигнут в ЕС лишь к 1960-м гг. [11].

Формированию экономического сообщества в Европе предшествовало создание Европейского оборонного сообщества с учетом цели недопущения конфликта между Германией и Францией, а также позиции США, которым был нужен партнер не слишком слабый, чтобы себя обеспечивать и не подпасть под влияние СССР, но и не слишком сильный и своевольный [21].

Такие оценки во многом противоречат основному корпусу научной литературы по европейской интеграции предыдущих десятилетий, однако в последние годы они высказываются все чаще. Бусыгина справедливо отмечает, что еще не так давно идеи идентичности в большой степени игнорировались и на региональную интеграцию смотрели в основном сквозь призму инструментальной рациональности. Сегодня проблему региональной идентичности в ЕС воспринимают серьезно [2].

Ряд ученых идет еще дальше, отмечая, что теоретическое осмысление европейского интеграционного кейса нуждается в коренном пересмотре. Устоявшаяся логика — взаимозависимость в вопросах экономики и безопасности ведет к передаче государственных полномочий на уровень наднациональных институтов и, далее, к возникновению региональной идентичности — должна быть “отзеркалена”, обращена вспять [14]. Как европейский опыт, так и опыт интеграционных процессов в Северной Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке свидетельствует, что создание элитами региональных институтов, как правило, сопровождается активным развитием региональной идентичности, а в значительной степени основывается на существовавших ранее смыслах, общих для жителей различных стран формирующегося региона [7].

Анализ противоречий, которые могут возникать между функциональными потребностями (интеграционными интересами) и идентичностью — предмет внимания **постфункционализма** [15, 16].

Выход интеграционной повестки за рамки узких групп интересов и бюрократий, включение этих тем в повестку СМИ и политических партий приводят к политизации. Здесь происходит выход за рамки логики экономического рационализма в область политической психологии.

Одной из ключевых переменных, которой ранее уделялось недостаточно внимания, является идентификация элит и граждан государств-участников интеграции с регионом. Конструирование такой идентичности инициируется элитами, но “материалом” для ее формирования выступают общие культурные и ценностные элементы идентичности, разделяемые жителями региона, историческая память, язык и т.д. Это является предпосылкой и условием возникновения региональных институтов, обеспечивающих сотрудничество в сфере экономики и безопасности. Естественно, элиты могут делать ставку на национальную идентичность, вплоть до противопоставления ее региональной — яркий пример — “брекзит”.

Нехватку “материала” для коллективной идентичности используют как фактор при объяснении отсутствия относительно глубоких региональных объединений в Азии [7]. Китай, Японию, Южную Корею разделяют, несмотря на их высокую экономическую взаимозависимость, проблемы исторической памяти, препятствующие построению доверия — в результате дилемма безопасности и взаимных опасений остается непреодолимой.

Обозначенная проблематика актуальна и в отношении евразийской интеграции. Буторина, анализируя развитие ЕАЭС, обращает внимание на “отсутствие современной системы коммуникаций в сфере производства новых смыслов и идей”, отмечая необходимость создания “консолидированной интеллектуальной среды” на основе неправительственных мозговых центров [3]. Отсутствие системной и скоординированной работы в этом направлении чревато дальнейшим усилением проблемы евразоскептицизма [4].

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕАЭС

Нет оснований ожидать, что внешние условия реализации Стратегии развития ЕАЭС окажутся благоприятными. Будут сказываться экономические последствия локдаунов в связи с пандемией. Переход президентского кресла в США к демократам активизирует сети элит и неправительственных организаций, связанных с Демократической партией на постсоветском пространстве.

Дальнейшая “сшивка” евразийского пространства может происходить по линии развития энергетической инфраструктуры (строительство АЭС), логистики (коридоры Север-Юг и Запад-Восток), образовательных и приграничных связей. Многие из проектов могут реализовываться не в многостороннем, а двустороннем формате.

Перспективный трек взаимодействия — здравоохранение. Россия первой в мире разработала вакцину, производство которой уже развернуто в Казахстане и Белоруссии. Что касается энергетической инфраструктуры, то 14 января 2021 г. выведен на 100%-ю мощность первый блок АЭС в Островеце, сооружаемой Росатомом. Завершается подготовка контракта на строительство российской АЭС в Узбекистане. Старт запланирован на 2022 г. на средства российского кредита.

Узбекистан, получивший 11 декабря 2020 г. статус наблюдателя в ЕАЭС, становится главным фактором экономического ускорения Центральной Азии. Присоединение 33-миллионного государства к ЕАЭС, экономики более динамичной и демографически мощной, чем Украина, качественно изменит Союз.

ЕАЭС вряд ли пойдет наперекор глобальному тренду на торможение строительства наднациональных структур. В ближайшие годы он скорее будет использоваться для решения конкретных задач, где интересы участников совпадают. Общая философия может быть такой: удерживать достигнутое, иметь несколько приоритетов и перемещаться между ними в зависимости от того, где освобождается место для шага вперед.

Возвращаясь к вопросам институционального развития ЕАЭС, следует отметить, что проанализированный выше корпус теоретических и практических аспектов интеграционных процессов в других регионах позволяет сделать следующие выводы. Попытка свести интеграцию лишь к экономике, несмотря на кажущуюся привлекательность в связи с отсутствием более сложных политических или гуманитарных вопросов, по всей видимости, окажется непродуктивной и не повлечет качественного развития интеграции, в том числе в экономике.

Учитывая географические особенности и большие расстояния, роль государств в евразийской интеграции по-прежнему будет центральной. Однако попытки развивать институты регионального экономического взаимодействия будут наталкиваться на тормоз недостатка доверия и политизации в угоду узким группам интересов. Кроме того, следует учесть активное вмешательство в медиаполе интеграции различных НПО и СМИ, получающих

финансирование из-за рубежа и действующих в интересах блокировки интеграции. Данную проблему не удастся решить без выработки скоординированной политики правящих элит государств-участников ЕАЭС в сфере укрепления нарратива региональной общности на основе объединяющих моментов в исторической памяти, общих ценностей, общего языка.

В этой связи центральной задачей по развитию интеграции является выработка общего целеполагания государств-участников с тем, чтобы движение по интеграционным трекам экономики и гуманитарной сферы осуществлялось параллельно и скоординированно. Важно принимать во внимание, что региональная и национальная идентичности не обязательно должны противоречить друг другу, но могут дополнять и укреплять друг друга. Сама же интеграция служит инструментом стабилизации политических режимов государств-участников. Однако без должного внимания идентичности регионального и национального уровня могут быть приведены в состояние конфликта усилиями узких групп интересов и внешних игроков, что приведет к срыву интеграции и проигрышу всех ее участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусыгина И.М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // *Международные процессы*. 2007. № 3. С. 18–27.
2. Бусыгина И.М. Региональная идентичность и региональная интеграция в современном мире: исследование взаимосвязи // *Ежегодник ИМИ*. 2013. № 3–4. С. 16–30.
3. Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского экономического союза // *Евразийская Экономическая Интеграция*. 2015. № 2. С. 52–67.
4. Винокуров Е.Ю. Евроскептицизм URL: <https://vinokurov.info/ru/evrazoskepticizm/> (дата обращения: 07.01.2021).
5. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теории регионального межгосударственного сотрудничества // *Вестник МГИМО*. 2010. № 6. С. 134–140.
6. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2009. № 1. С. 28–45.
7. Borzel T., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // *Journal of Common Market Studies*. 2020. Vol. 58. № 1. P. 21–40.

8. *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. NY: Cambridge University Press, 2007.
9. Deutsch K. *Political Community at the International Level: Problems of Definition and Measurement*. New York: Doubleday, 1954.
10. Deutsch K. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957.
11. Graph M., Kennwood A., Lougheed A. *The Growth of the International Economy 1820–2000*. London and New York: Routledge, 2013.
12. Haas E. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*, Stanford: Stanford University Press, 2004.
13. Hoffmann S. Obstinate or obsolete? The fate of the nation-state and the case of Western Europe // *Daedalus*. 1966. Vol. 95. № 3. P. 862–915.
14. Hooghe L., Lenz T., Marks G. *Community, Scale and International Organization*. Oxford: Oxford University Press, 2019.
15. Hooghe L., Marks G. A postfunctionalist theory of European integration: from permissive consensus to constraining dissensus // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39. № 1. P. 1–23;
16. Hooghe L., Marks G. Cleavage theory and Europe's crises: Lipset, Rokkan and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 109–35.
17. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26. № 8. P. 1113–1133.
18. Mitrany D. *A working peace system*. Chicago: Quadrangle Books, 1966.
19. Moravcsik A. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Rome to Maastricht*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.
20. Pedersen T. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration. *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. P. 677–696.
21. Rappaport A. The United States and European Integration: The First Phase // *Diplomatic History*. Vol. 5. № 2. P. 121–149.
22. Spinelli A. *The Eurocrats*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

REFERENCES

1. Busygina I.M. Asimmetrichnaja integracija v Evrosojuze // *Mezhdunarodnye processyju* 2007. № 3. P. 18–27.

2. Busygina I.M. Regional'naja identichnost' i regional'naja integracija v sovremennom mire: issledovanie vzaimosvjazi // *Ezhegodnik IMI*. 2013. № 3–4. P. 16–30.
3. Butorina O.V., Zaharov A.V. O nauchnoj osnove Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza // *Evrazijskaja Jekonomicheskaja Integracija*. 2015. № 2. P. 52–67.
4. Vinokurov E. Ju. Evroskepticizm. URL: <https://vinokurov.info/ru/evrazoskepticizm/> (accessed: 07.01.2021).
5. Nikitina Ju.A. Ot integracii k regionalizmu: jevoljucija teorij regional'nogo mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva // *Vestnik MGIMO*. 2010. № 6. P. 134–140.
6. Strezhneva M.V. Teorii evropejskoj integracii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2009. № 1. P. 28–45.
7. Borzel T., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // *Journal of Common Market Studies*. 2020. Vol. 58. № 1. P. 21–40.
8. *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. NY: Cambridge University Press, 2007.
9. Deutsch K. *Political Community at the International Level: Problems of Definition and Measurement*. New York: Doubleday, 1954.
10. Deutsch K. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957.
11. Graph M., Kennwood A., Loughheed A. *The Growth of the International Economy 1820–2000*. London and New York: Routledge, 2013.
12. Haas E. *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957*, Stanford: Stanford University Press, 2004.
13. Hoffmann S. Obstinate or obsolete? The fate of the nation-state and the case of Western Europe // *Daedalus*. 1966. Vol. 95. № 3. P. 862–915.
14. Hooghe L., Lenz T., Marks G. *Community, Scale and International Organization*. Oxford: Oxford University Press, 2019.
15. Hooghe L., Marks G. A postfunctionalist theory of European integration: from permissive consensus to constraining dissensus // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39. № 1. P. 1–23;
16. Hooghe L., Marks G. Cleavage theory and Europe's crises: Lipset, Rokkan and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 109–35.
17. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26. № 8. P. 1113–1133.
18. Mitrany D. *A working peace system*. Chicago: Quadrangle Books, 1966.
19. Moravcsik A. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Rome to Maastricht*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.
20. Pedersen T. Cooperative hegemony: power, ideas and institutions in regional integration. *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. P. 677–696.
21. Rappaport A. The United States and European Integration: The First Phase // *Diplomatic History*. Vol. 5. № 2. P. 121–149.
22. Spinelli A. *The Eurocrats*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966.

Поступила в редакцию / Received 20.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.02.2021

Принята к публикации / Accepted 15.02.2021